

Алёна Медведева

НАМ НЕ УЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА СРАЗУ
ОБЖИГАЮЩИЙ СЕВЕР

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алёна Медведева

Обжигающий север

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2014
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М42

Серия основана в 2011 году
Выпуск 128

Художник
А. Клепаков

Медведева А. В.

М42 Обжигающий север: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 376 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1863-3

Скована льдами и окутана вечным мраком холодная планета. Она не прощает слабости, не дарит напрасных надежд. Но что, если судьба именно ее предлагает альтернативой смерти? Тут выбирать не приходится. Единственная возможность выжить — брак с жутким стархом и переезд с ним на эту планету. И кто бы мог подумать, что именно Иволон, этот замерзший ад, станет самым прекрасным домом, наполненным обжигающим теплом чужой души и любовью, а вселяющий ужас хозяин, купивший рабыню, — защитником и мужем?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Медведева А. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1863-3

ПРОЛОГ

— Руки на идентификатор! — Приказ сопровождался болезненным тычком оружия в спину, вытолкнувшим меня вперед.

Протянула руки к светящейся пучком синих лучей зоне, расположенной примерно на расстоянии тех, кто шел передо мной. Руки обдало потоком жалящего тепла, и спустя несколько мгновений раздался писк, известивший о завершении идентификации. Меня снова толкнули, на сей раз в сторону, освобождая место для той, что стояла в очереди позади.

Не успела я, по инерции пролетев пару метров, восстановить равновесие, как ощутила обжигающий холод, кольцом сомкнувшийся на шее. Контролирующий ошейник!

— Идентифицирована и закодирована. — И снова толчок, вынуждающий меня продвигаться дальше.

Опасаясь поднять руки и коснуться пугающего кольца на шее, подгоняемая подпирающим сзади потоком таких же, как и я, несчастных, двинулась внутрь плохо освещенного коридора. Идти было страшно. Ничего хорошего впереди не ждало. К тому же все толкались и теснились в узком пространстве грубого тоннеля, опасаясь нарваться на удары поносящих охранников. Справа я уловила отчаянный вскрик и хрипы кого-то упавшего. Помочь никто даже не попытался. Жутко боясь вот так же споткнуться и быть затоптанной безразличной отчаявшейся толпой, сосредоточилась исключительно на продвижении, всеми силами пытаюсь противостоять множественным ударам и удержаться на ногах. В итоге из-за страшного шума пропустила приказ.

— Куда прешь, дура?! Сказано — бабы в правый рукав! —

Меня опять резко толкнули в плечо, придавая ускорение в нужном направлении.

Налетев на мощную женщину, на мое несчастье оказавшуюся на пути, получила еще и основательный тычок от нее. Только бы устоять, о боли я уже не задумывалась.

— В седьмую заходи, там одной не хватает. — И меня очередным рывком, лишь на пару секунд обесточив волновую решетку, втолкнули в одну из боковых камер.

Упав на каменную поверхность, почувствовала, что расцарапала ладонь, которой неловко затормозила собственное падение. Но это была ерунда на фоне ожидавшей казни. Сжавшись настороженным комочком прямо на том месте, куда упала, боялась даже поднять взгляд и осмотреться.

— Вставай, девка. Чего камень-то греть? — раздался совсем рядом прокуренный басовитый голос.

Осторожно повернула голову и обнаружила мужеподобную тетку с рябым лицом и поврежденным левым глазом. Собственно, глаза не было, лишь пустая, зиявшая сплошной коростой глазница. Испуганно отшатнувшись, под гулкий и совсем неожиданный в этом месте хохот разбитной страшной тетки переместилась на колени и, упираясь руками в пол, начала вставать. Ноги плохо держали, подрагивая от усталости и пережитого страха.

Одновременно осмотрелась. В узком пространстве маленькой камеры находилось трое. Помимо этой рябой землянки еще две женщины — обе тувейки. Лица последних были совершенно безразличными, а глаза пустыми. Я у них интереса не вызвала, удостоившись пары смазанных отчужденных взглядов.

— Садись, — снова предложила рябая, указав на крохотный кусок скамьи рядом.

Другого выбора и не было. Скамья напротив уже занята тувейками. А мужеподобная землянка даже потеснилась, тщетно пытаюсь освободить мне хоть чуть-чуть больше места. Но я втиснулась. Возможность присесть была большим облегчением, ноги уже еле держали, ведь последние двое суток почти полностью провела стоя. Сначала — пока нас после захвата корабля патрульным крейсером, набив в трюм как солонины в бочку, везли сюда, на изолированную базу для задержанных, потом — пока топталась в длинной очере-

ди проходящих идентификацию. Посидеть не удалось. Так что теперь я с особым наслаждением вытянула измученные ноги, наконец-то получив возможность отдохнуть.

— Ты хоть совершеннолетняя? — как-то жалостливо оглядывая меня одним глазом, уточнила разговорчивая соседка.

Это было так странно, даже неестественно. Тут все молчали. А смысл болтать с незнакомым окружением в ожидании неотвратимой гибели? Поэтому, неловко пожав плечами, я только кивнула:

— Да.

— Какой возраст? — не отступалась тетка.

— Двадцать два!

— По-земному?

— По-космическому. — Я даже удивилась — зачем ей это?

— Двадцать пять почти, значит, — быстро прикинула она. — По тебе особо и не скажешь, думала — восемнадцать. Хилая ты какая-то... Откуда?

— А вам-то зачем? — не выдержала я.

— Дак все ж интереснее, чем молча в тоске-то ожидать. Хоть поговорить напоследок, — пояснила рябая.

— С каперского звездолета. Нас позавчера патруль задержал, — устало пояснила я предысторию попадания сюда.

— У-у-у... с пиратского... Ты у них откуда взялась такая хлипкая?

— Родилась там. Мама прибилась к команде, она из беженок была.

— Так ты вообще только в космосе и бывала? И жизни-то не видела, бедная, — засокрушалась тетка.

— Бывала на планетах и торговых базах, где нелегально заправиться можно, — призналась в ответ я.

— Скиталась, в общем: всю жизнь без дома, без родных, а сейчас и вовсе ни за что сгинешь. Чай, ведь в грабежах не участвовала? Какой из тебя пират?! Так, команду развлечь, если только. — Она снова гулко хохотнула, заставив неприятно поежиться.

— Отец защищал, но его в прошлом году во время нападения ранили, он умер почти сразу, — грустно рассказала я. — Но я много чего умею.

— Так оно и понятно, с такой-то судьбой, — понимающе покивала рябая. — А грамотная?

— Читать медленно могу, а писать — не все буквы знаю.

— Эх, жалко девку, — в никуда произнесла тетка. — То ли дело у меня: жизнь прошла — есть что вспомнить! Так и помирать не страшно, тем более я еще на шанс рассчитываю.

— Тебе только на него и рассчитывать, — неожиданно и резко огрызнулась одна из тувеек. — Старая уже, страшная да одноглазая...

— А и что? — гоготнула рябая, мощно хлопнув руками по ляжкам. — Я еще хоть куда! Таких и отбирают. Чтоб выжить в северных пределах самых суровых планет сумела, пахать да рожать могла. А что страшная — так враги не позарятся, тоже плюс. Чай, не для разговоров по душам туда отправляют.

— Лучше сдохнуть, чем туда попасть, — убежденно выдохнула четвертая узница. — Там такие выродки обитают — убийцы, садисты, изверги одни. Дикие они, а планеты, как правило... Выжить там невозможно... И отдают им нас как вещь — в полное владение. Что захотят, то и делать могут. Ошейник этот проклятый подчиняться заставит и сбежать не даст. И куда там сбежишь?!

— Да сдохнуть завсегда успеешь, — убежденно рыкнула рябая. — А жить... везде можно приспособиться. Нет, я хочу свой шанс испробовать. Слышишь, пиратка, ты, если предложат, не дури, не отказывайся: к жизни любой притереться можно, да и к мужику приноровиться.

Последнее она уже мне заявила, поддав локтем в бок, так что меня основательно впечатало в стену.

— И дурой как раз будет, — снова зло отозвалась тувейка, — на ней ни жира про запас, ни опыта жизненного, чтобы адаптироваться, так зачем собственные мучения продлевать? Да и хилая — разве сможет каждый год рожать да работать с утра до вечера? Так что не слушай дурных советов! Отважись на шанс — а никто из приличных на тебя не согласится: слишком ты никакая, а кто из опустившегося отребья заберет — так тоже сдохнешь, только намучившись предварительно. Забьют, поиздеваются со всей дури сначала, а то и еще чего похуже сделают. Защититься-то не сможешь.

— Ты что, думаешь, она еще жизни не хлебнула? — хмыкнула рябая.

В своей неспешной перепалке на меня они уже и внимания не обращали. А я, напряженно вслушиваясь в каждое слово, не могла понять, о чем вообще речь. Всем известно, что с нарушителями закона в космическом содружестве планет поступали жестко: полное развоплощение на атомы в камере смерти, и затем своеобразный прах развеивался в космическом холоде. Ни могил, ни памяти, ни проблем... На это я уже и настроилась, поэтому разговор об альтернативе и о каком-то севере сразу зацепил внимание.

— А что за шанс? — неуверенно переспросила я, переводя взгляд с дородной соседки на тувейку.

— Для дур легковых предложение. Если на него согласишься, отправишься не в камеру смерти, а сначала на «выгон» — так место то называют. Загонят вас на площадку, чтобы желающие могли рассмотреть да прицениться. Уплатив пошлину в казну содружества, вроде как в жены могут взять. Если кто позарится — так сразу после уплаты брак регистрируют и отдадут тебя мужу. Но это слова одни, а на деле тебя, не спрашивая, купят, и прав у тебя никаких не будет. Потому что хозяйину во всем подчиняться должна будешь. Ошейник на тебе запрограммирован именно на это. Попробуешь противиться или бежать — разрядом парализующим будет бить. А если не позарится никто, то прямым ходом на развоплощение отправишься. А вы, земляне, слабые, в сущности, так что никому ты не нужна и можешь напрасных надежд не питать.

— Я — полукровка. Отец не землянин, — тихо прошептала в ответ я, озадаченная объяснением.

Подумать было о чем. Как поступить? Что предпочесть? Сразу сгнуться или понадеяться на удачу? Выбор был не столько трудным, сколько страшным. Перспективы в обоих вариантах не видно.

— Помирать не спеши, — снова влезла рябая. — Не жила еще. Если припрет, вон смерть твоя всегда при тебе — на шее.

ГЛАВА 1

— Шанс будешь использовать? — Охранник, привлекая внимание, ткнул в грудь парализатором и зло зыркнул, ожидая ответа.

А я, все обдумав и заранее решив, что не вынесу новых издевательств, потому лучше тихо смириться со смертью, неожиданно захотела жить!.. В это самое мгновение поняла, что больше всего боюсь смерти, а сильнее всего хочу выжить... любой ценой. И кивнула, соглашаясь.

— На выход. — И меня вслед за рябой соседкой выдернули из камеры, втолкнув в ряды таких же решившихся.

Потом нас погнали по коридору, заставили пару раз повернуть и в итоге вывели на небольшую охраняемую, огороженную и освещенную площадку, за пределами которой толпились мужчины. Десятка два-три. А нас, согласившихся на шанс женщин, тут раза в три больше! Я сразу поняла, что смерть меня сегодня дождется. Поэтому обреченно остановилась возле входа на площадку в отличие от хлынувшего к ограждению — ближе к мужчинам — потока узниц. Устало опустилась на каменный пол и закрыла глаза, решив, что даже видеть этого не хочу — только напоследок растравлю себе душу.

Надо мной стоял гул множества голосов, радостные вскрики и отчаянные проклятия, а я старалась отрешиться от всего, понимая, что при таком количественном соотношении кандидаток мной никто не заинтересуется. Неожиданно в плечо сильно ударили. Испуганно открыв глаза, обнаружила рядом охранника.

— Вторая кровь чья?

— Старха... — прошептала я. Как же догадались о том, что я не землянка? Я ведь совсем в маму пошла.

— Вставай, тебя выбрали. — Снова толчок оружием, от которого я едва не рухнула навзничь.

Потрясенная его словами, по возможности быстрее вскочила на ноги. От страха, голода и усталости накатило состояние полного безразличия и отупения. И я, тяжело шагая впереди понукающего охранника, даже головы не подняла, чтобы рассмотреть того, кто меня выбрал. Слишком страшно поднять взгляд и увидеть того, кому отныне буду принадлежать абсолютно; того, от кого будет зависеть моя жизнь, и... сразу все понять. Остановилась, только когда уперлась взглядом в чьи-то ноги.

— Зубы, тело, рефлексy проверить будете? — уточнил у кого-то охранник, что подвел меня.

Напряженно застыв на месте, внутренне сжалась в ожидании осмотра.

— Нет необходимости, — резко, грубо и жестко прозвучал ответ.

Меня немного отпустило, пока не услышала понимающий хмык охранника:

— Ненадолго выбираешь.

— Заканчивайте. Рейсовый звездолет скоро отправляется. Следующий — через полгода. — Снова этот жесткий голос.

И сразу рядом кто-то засуетился, шурша магнитными листами:

— Как зовут?

Не сообразив, что обращаются ко мне, получила очередной тычок парализатором в плечо. Не отлетела назад только потому, что кто-то вовремя сцапал это плечо и удержал на месте.

Благодарно подняв взгляд на оказавшего помощь, в ужасе замерла. Массивный старх. Страшный до жути. Грубые, угловатые черты лица; мощный, выдающийся вперед подбородок, угрюмое выражение глаз, какие-то несочетаемые пропорции: небольшие, глубоко посаженные желтые глаза, широкий рот и характерный сильно приплюснутый нос. Но главное — аура, окружающая его... Леденящая кровь, рожда-

ющая подспудный страх, заставляющая поддаваться панике...

— Имя скажи! — удерживая взгляд, резко приказал мужчина, не отпуская мое плечо.

Я судорожно сглотнула.

— Скажи, — кивнул он в сторону.

Проследив за направлением кивка, я наткнулась взглядом на сотрудника базы — видимо, регистрирующего «брак».

— Витара Кийоне, — с трудом просипела пересохшим горлом собственное имя.

Этот сотрудник быстро вписал его в документ, предварительно коснувшись моего ошейника плоским ключом, который передал старху. Ключик к моей свободе исчез в огромной ладони мужчины, после чего он взял документы и подтолкнул меня в нужном направлении:

— Нам пора. Опоздать мы не можем!

Идти мне было сложно, ноги от страха и слабости подкашивались, к тому же нужного направления не знала. Спустя несколько минут старх остановил меня, ухватив за локоть, и, выдвинувшись немного вперед, повел за собой. Думая только о том, как бы не рухнуть и не навлечь на себя гнев жуткого старха, сосредоточенно переставляла ноги, стараясь поспевать за его размашистыми шагами.

Нас сопровождал один из охранников, ведя каким-то коротким путем. В результате примерно через полчаса за нашими спинами с вибрирующим гудением сомкнулась последняя дверь изолятора, а меня сразу обдало резким порывом холодного ветра.

Когда команду выгоняли с задержанного звездолета, никому вещи с собой взять, разумеется, не дали — зачем они смертникам? И сейчас все, что у меня было из вещей, — это порядком испачканная и местами порванная одежда, надетая на собственное тело.

— Ждем, — прозвучал жесткий голос старха где-то над мной.

Чего — спрашивать не стала: было безразлично. К тому же стало еще и холодно: леденящая стужа отчаяния в душе и порывы пронизывающего ветра снаружи не способствовали возникновению любопытства. Внезапно огромная мужская

рука, притянув к теплому боку, опустилась поверх моего плеча, заключив меня под мышкой у жуткого гиганта. А сверху опустилась пола плаща, укрывая от ветра. Меня мгновенно обдало жаром его тела: стархи, жители ледяных планет, отличались более высокой теплокровностью. Даже у моего отца так было, хотя старх он, по мнению окружающих, был слабый. А вот у меня уровень теплокровности выше стандартного человеческого никогда не поднимался. Но сейчас я была очень благодарна за это тепло, сразу почувствовав, что начинаю отогреваться.

Ожидание не затянулось. Вскоре я различила вдалеке гул двигателей, поняв, что приближается какой-то транспорт.

— Идем. — Меня, так и не выпустив из теплого убежища, подтолкнули в нужном направлении.

А я шла, думая только о том, что теперь всегда должна буду повиноваться ему. Куда мы опять двигались? Какая разница? Через дюжину метров меня и вовсе обхватили за плечи согревающей рукой и, приподняв, куда-то внесли. Сзади снова лязгнула, с шипением смыкаясь, дверь. А потом почти сразу зашумели двигатели, и я ногами ощутила вибрацию пола. Мы улетали.

— Бронь? — раздался рядом незнакомый голос.

— Да, кабина. — Я почувствовала, что другой рукой старх что-то достал из кармана. — Вот документы на груз.

— Куда?

— На Иволон.

Мне стало совсем худо.

Если до этого было страшно и жутко, то тут резко накрыло беспросветным отчаянием. Иволон — ресурсная планета в созвездии Эйды, я слышала о ней. Мужчины в команде, когда срывались, часто кричали: «Сдохнешь, как на Иволоне». Планета с вечной зимой, запредельным морозом и гелием-3. Самое востребованное топливо, из-за которого и разрабатывали суровую для жизни большинства рас планету. Вот только кто? Кто мог выжить в условиях жуткого холода? Стархи... Я сглотнула. Вот только я не старх, совсем не старх, а потому сдохну там непременно... А может, оно и к лучшему.

Мой хозяин, подняв руку и откинув плащ, выпустил меня из теплого плена и сразу легонько подтолкнул вперед.

— Иди за мной.

И я послушно пошла, других вариантов у меня нет. Не озираясь и не осматриваясь вокруг: было безразлично, ведь у меня впереди — Иволон. Тупо уставившись на металлический пол под ногами, несколько коридоров и пролетов просто шла за ним. Он остановился, и я тоже замерла его тенью. Подняв голову, увидела, что нахожусь в пассажирском отсеке, и сразу поняла, о какой кабинке шла речь. Мне доводилось пару раз видеть такие рейсовые пассажирские крейсеры. Дешевые места — индивидуальные спальные кабинки. Не каюты, нет — именно кабинки. В отсеке, напоминающем по форме рукав, по обеим сторонам в три яруса располагались эти кабинки. Узкие, предназначенные для сна коробки. Он сказал «кабинка»... Значит, или двухспальная, или... нам с этим гигантом придется тесниться в одноместке. До Иволона не меньше недели полета, и все это время — с ним рядом, в замкнутом, тесном пространстве кабинки. Сердце сжалось, заходясь в глухом мучительном стоне. Может быть, он меня и купил, чтобы скрасить себе дорогу?

И кто он? Рабочий с гелиевых шахт? Судя по тому, что путешествовал в дешевой кабинке общего сектора, — да. Я обреченно сникла.

— Иди за мной. — Он решительно шагнул внутрь длинного отсека, я послушно — следом.

Мы шли вдоль безликих кабинок, единственной отличительной особенностью которых являлся порядковый номер на отодвигающейся боковой крышке. И за каждой из них наверняка кто-то был.

Он остановился, я тоже. Свернув что-то с бумажкой в руке, дернул крышку кабинки напротив. Открыв полностью, обернулся ко мне и сказал:

— Наша. Залезай внутрь и раздевайся. Одежду свою в ногах оставь. Я сейчас вернусь. Поняла? — Всего один жесткий взгляд, но меня словно порывом ледяного холода обдало. Начинается...

Кивнула и головы уже не подняла. Старх быстро развернулся и зашагал в обратном направлении. Без меня он перемещался гораздо быстрее. Помня об ошейнике и последствиях неподчинения, полезла внутрь своей будущей пыточной. Кабинка оказалась двухместной. Изначально, значит,

планировал обзавестись кем-то. Хотя такой огромный мужчина мог и просто для своего удобства взять. И хорошо, что самым нижним ярусом располагалась: выбираться быстрее и не страшно, что под ним проломится. Я старалась думать о чем угодно, но только не о том, что сейчас предстоит. Стянула свой обычный корабельный костюм — эластичную куртку и свободные штаны с множеством карманов, в которых всегда таскала необходимые мелочи. Компактно свернула все и, как он велел, убрала в ноги. Осталась в одном белье, не зная, снимать ли его или пока оставить. Он как-то не детализировал степень раздетости, поэтому рискнула оставить хоть что-то на себе.

Внутри спальной кабинки мой рост позволял находиться в сидячем положении не сгибаясь. Обнаружив в изголовье карман с подушками, матрасом, одеялом и простеньким набором постельного белья, решила застелить, надеясь, что старх не будет из-за этого недоволен. Быстро управившись, с чувством радостного облегчения легла вдоль боковой стены и укрылась одеялом. Пусть у меня есть только несколько минут, но хотя бы их использую для отдыха. Тело немилосердно ломило от усталости, измученные мышцы тянуло до боли, а ступни жгло уколами сотен игл. Такой измученной я себя никогда еще не ощущала. Но я никогда и не была так близко к краю.

Прикрыв глаза, постаралась расслабиться, позволить мышцам отдохнуть. Глубоко вдохнула. В кабинке пахло санитарными средствами, которыми обрабатывали все внутренние поверхности и постельное белье. И этот неприятный, по сути, запах сейчас откровенно радовал, создавая в душе ощущение какой-то обыденности происходящего.

Крышка кабинки резко отъехала, заставив меня испуганно съежиться в уголке. Старх подошел неслышно, напугав меня неожиданным появлением. Огромный мужчина склонился и заглянул внутрь, встретившись со мной взглядом. Какой страшный! Глядя сейчас на него в упор, видела это отчетливо. Старх внимательно взглянул на меня, судорожно прижимавшую к груди одеяло, быстро обежал взглядом застеленный матрас и кучку моего барахла в ногах кабинки.

— Ешь. — Резким движением, заставив непроизвольно вздрогнуть, протянул что-то.

И я сразу почувствовала запах съестного. Еда... Рот мгновенно наполнился слюной, а живот отозвался острой резью. Я не ела больше двух суток, да и пила за это время всего два раза. Быстро выдернув руку из-под одеяла, перехватила протянутый мне кусок. Мясо! Жадно впилась в него зубами, откусывая и глотая, почти не жуя, едва не давясь.

— Хлеб? — Он снова протянул мне что-то, и я, не раздумывая, схватила предложенное.

Ломоть подсохшего хлеба. Боже! Я в жизни не ела ничего вкуснее! Чувствовала, что он наблюдает за мной, но заставить себя есть медленнее не могла. Огромный кусок мяса и здоровенный ломоть хлеба буквально проглотила за пять минут.

— Руки вытри. — Он протянул мне тряпицу, которую тоже взяла, тщательно вытирая о нее жирные пальцы. Едва удержалась от желания предварительно обсосать их, слизывая капли мясного сока. Но побоялась, что старху это не понравится.

После тряпки получила фляжку с водой, к которой тоже жадно приникла.

Чувствуя себя сытой и благодарной, откинулась головой на подушку, напряженно ожидая его дальнейших действий. Пусть делает то, что намерен. За то, что сейчас покормил, я должна ему больше. И я стерплю.

Мужчина спокойно, не суетясь, принялся раздеваться. Обувь и плащ убрал в огромный, извлеченный из кармана мешок, туда же закинул и мои ботинки. Нагнувшись, сунул мешок куда-то мне в ноги. Длина кабинки была под два метра, и я до противоположной стены ногами не доставала. Именно в это место он мешок и положил. Я, напряженно замерев под одеялом, наблюдала за ним. Он неспешным движением через голову стянул странную теплую куртку и толстую рубаху, сложил одно на другое на краю матраса, потом спокойно взялся за штаны. Испугавшись, отвела взгляд, уставившись на мешок в ногах. Но слышала, что он разделся и зашуршал одеждой. Стопка последней отправилась также в изножье кабинки поверх мешка, а потом и сам огромный старх втиснулся внутрь, задвинув за собой крышку спального места.

Стараясь хоть как-то дистанцироваться от него, вжалась

в стену, буквально задыхаясь от ощущения подавляющей мощи и силы расположившегося вплотную ко мне мужчины. Он, спокойно приподняв другой край одеяла, забрался ко мне в уже нагретый кокон постели. И я сразу почувствовала, что он совершенно голый.

Судорожно вздохнув, напряженно замерла.

— Не девственница? — все в той же скупой манере озвучил он вопрос.

Меня затрясло испуганной дрожью, резко прошибло судорогой, а язык онемел от ужаса. Вот так, вплотную, совсем рядом, он ощущался колоссально огромным. Это дико пугало. Горло свел спазм, не позволяя ответить.

Старх спокойно, без суеты, положил мне на грудь поверх одеяла свою огромную руку, припечатав намертво. Другой, поддав вверх колени, заставил согнуть ноги и, даже не заметив моего истового сопротивления, ладонью развел их в стороны и скользнул рукой под ткань трусов. Так же неторопливо и деловито в меня сразу глубоко скользнули два пальца, проверяя. После чего он отвел руку и, освободив мою грудь, повернулся на бок ко мне лицом. Подбив свою подушку, обхватил ее огромными лапами и, перевернувшись на живот, явно собрался спать.

— Спи, — негромко прозвучал его приказ.

Все еще напряженно замерев возле стены и зажмурив глаза, какое-то время вслушивалась в его ровное, спокойное дыхание, пока неожиданно не осознала, что он действительно заснул. Даже легкий храп прорезался, а тело старха расслабленно обмякло рядом. Поняв, что сегодня мне и в самом деле ничего не грозит, едва не разрыдалась от облегчения. Отвернувшись лицом к стене, некоторое время ощущала струящиеся по щекам ручейки слез, а потом тоже заснула.

ГЛАВА 2

Спать было очень тепло, даже жарко. Огромное тело за спиной ощущалось мощнейшей теплоизлучающей системой. Даже не заметила, как во сне раскуталась. Рядом со стархом никакое одеяло не требовалось!

Пробудившись окончательно, осознала, что меня прижал громадной рукой, расположившейся поперек живота, к своему телу спящий рядом мужчина. Дышал он глубоко и ровно. Видимо, в отдыхе нуждался не меньше меня. Прислушавшись, поняла, что на корабле наступил день.

За пределами кабинки шла типичная суэта: корабль жил своей жизнью, до меня долетали обрывки фраз. Но быть отделенной от всего этого стенами, пусть и в обществе страшного старха, было отчего-то спокойно. Сейчас, пока он спит, не так страшно, а тепло и темнота внутри кабинки создают некое ощущение уюта и определенной безопасности. Решив не лезть на рожон и не будить его попытками отодвинуться, снова заснула.

Повторно очнулась уже оттого, что кто-то теребил за плечо. С перепугу, не разобравшись со сна, дернулась, желая вскочить, и едва не врезалась головой в потолок. В последний момент кто-то удержал.

Обернувшись, увидела рядом огромного мужчину, который в данный момент придерживал своей лапой мою макушку, и вспомнила вчерашние события: шанс... выбор... отлет...

Сразу испуганно замерла, рухнув на подушку и настороженно вглядываясь в его лицо в свете тусклого внутреннего освещения кабинки.

— В туалет нужно?

Этого вопроса не ожидала, но, услышав, поняла, что очень хочу. И кивнула, смутившись.

— Хорошо, пойдешь со мной. — И старх совершенно невозмутимо, неудобно изогнувшись в узкой для него тесноте кабинки, потянулся за своей одеждой. Несмотря на габариты, ловко натянул трусы и брюки, а потом, открыв крышку кабинки, выбрался наружу, освободив мне внутреннее пространство. — Одевайся, — вытягивая мешок с обувью, сказал он мне.

Я тут же метнулась за своей одеждой. Посмотрев на сильно испачканные штаны, перевела взгляд на матрас, на котором спать еще минимум неделю, и решила. Переместившись на четвереньки, боясь и подумать о том, как выгляжу со стороны присевшего возле открытой крышки и наблюдающего за мной старха, быстро скатала застеленный

матрас, отодвинув получившийся валик в изголовье. Подушки и одеяло запихала обратно в отведенный для них карман на стене. И только после этого, полулежа на голом днище кабинки, кое-как, выгнувшись дугой, натянула штаны, а потом и свою куртку. Руками коснувшись грязных и свалывшихся волос, поняла, что их не продрать, поэтому оставила это намерение. Свесив ноги наружу, натянула спрятанные вчера в карман носки и надела ботинки, уже стоявшие на полу рядом. После чего полностью выбралась в общий проход пассажирского отсека и, замерев рядом с запирающим кабинку стархом, беспокойно осмотрелась. Вокруг было множество пассажиров звездолета. Кто-то просто стоял в проходе между кабинками, кто-то лежал внутри, только выглядывая наружу, кто-то сидел, свесив вниз ноги. Большинство просто наблюдали за окружающей обстановкой, кто-то разговаривал между собой. В основном это были мужчины. Земляне, тувейцы, шекагары и несколько представителей еще не виданных мною ранее рас. При моем появлении пассажиры уставились на меня, оценивающе рассматривая. И каждый взгляд обязательно спотыкался об ошейник, который мои грязные и не очень длинные волосы не скрывали. И сразу в выражении лица заметившего появилось что-то скабрзное, презрение и даже ненависть.

— Иди, — подтолкнул меня влево старх.

Я послушно пошла, чувствуя его подавляющее присутствие позади. Дорогу нам уступали мгновенно. Так, преодолев весь отсек нижнего трюма, где располагались дешевые спальные кабинки, вышли к санитарной зоне, находящейся в отдельном блоке у входа в отсек. Старх молча и невозмутимо кивнул мне на предназначенные для женщин помещения, а сам остался снаружи. Я поскорее шагнула внутрь, было уже совсем невтерпеж. Разобравшись с естественными потребностями, задумчиво остановилась возле умывальника. Вода на звездолетах в санитарной зоне была технической, находясь в замкнутом цикле постоянной очистки. Но за ее использование взималась плата. Мне же платить нечем, а входит ли услуга в билет купившего меня громилы, я не знала. Поэтому, как ни хотелось помыть руки и хотя бы освежить лицо, решила сначала выяснить этот момент у старха, ибо осложнений хочется еще меньше.

Шагнув за дверь, обнаружила его, спокойно ожидающего напротив входной двери, но, прежде чем успела озвучить беспокоящий вопрос, он сказал:

— Сейчас мыться. — И, развернувшись, пошел в сторону душевых помещений.

Вот это да! Я потрясенно засемила следом, стараясь не отстать. Помыться — это в данных обстоятельствах было мечтой, причем труднодостижимой. Хотя странно это — оплатить полную помывку, но ютиться в спальной кабинке в трюме звездолета среди самых нелюбимых категорий населения межгалактического содружества.

В душевых отсеках никого не было. Оно и понятно — неделю можно и без помывки пережить, а стоит удовольствие прилично.

— Раздевайся. — Грубый голос и спокойный тон. Кажется, начинаю привыкать к этому.

Помывочная зона состояла из небольших отсеков без дверей, с потолка которых текла вода, исчезая в сливном отверстии на полу. Старх быстро разделся сам. Я спешно отвела взгляд. Не то чтобы обнаженного мужчину никогда не видела, но именно этот конкретный мужчина меня пугал, и особенно в голом виде. А еще я ему полностью подчинялась и отказать ни в чем не могла, что тоже добавляло тревоги.

Кажется, он себя без одежды чувствовал естественнее, чем в ней. И это житель северных пределов!

Дрожащими пальцами принялась стягивать куртку, потом развязала завязочки, скрепляющие спереди чашечки бюстника, и сняла его. Бросив быстрый взгляд на хозяина и, удостоверившись в том, что он не смотрит на меня, занявшись поиском чего-то в захваченном с собой пакете, потянулась к поясу брюк. Сняв их, стянула и трусики.

— Чего ждешь? Пока еще кто-то придет? Заходи под воду, — не оборачиваясь, жестким тоном прикрикнул он.

Быстро свалив кучу грязной одежды в специальный карман рядом, рванула в душевой отсек. Старх тут же ступил следом, отгораживая и скрывая меня от любого постороннего взгляда своим массивным телом. Дернул рычаг, и вода обрушилась сверху достаточно мощным и теплым потоком. Мужчина завернул кран и протянул мне кусок мыла. Настоящий кусок твердого простого мыла — такого я давно не

видела. Но не в моих обстоятельствах привередничать, поэтому, осторожно забрав, начала намывать тело, а потом и волосы. Мыло, конечно, не лучший вариант, но точно предпочтительнее, чем оставить их грязными. Старх на меня не смотрел: повернув голову в сторону входа, чутко прислушивался. Но, как только я, задумавшись, стоит ли ему вернуть мыло, растерянно замерла, быстро обернулся и, забрав у меня кусок, тоже начал намываться.

Не зная, куда девать взгляд, я переводила его с места на место, но почему-то каждый раз натыкалась или на перевитую тугими мускулами руку, или на рельефный мужской живот. В глаза бросилось огромное количество необычных маленьких узоров-татуировок по всему его телу. Мылся он так же, как и говорил, — резкими, рублеными движениями, в итоге управившись гораздо быстрее меня и снова открыв воду.

С удовольствием ощутив теплый поток, тут же принялась смывать грязную пену и выполаскивать волосы. Старх изредка бросал на меня внимательные взгляды, но ничего не говорил и не прикасался. Вообще, меня не покидало ощущение какой-то его настороженности. Смыв с себя остатки мыла, он вновь перекрыл воду. После чего шагнул из отсека, освобождая мне путь.

Подойдя к карману со своей грязной одеждой, я потянулась за бельем. Надевать его на чистое тело будет неприятно, но не голой же ходить. Может быть, как-то удастся постирать? Не ходить же в этом остаток жизни?

— Надевай это.

Я удивленно оглянулась и обнаружила старха уже в штанах и ботинках. Он протягивал мне какой-то мягкий на вид сверток. Осторожно, чувствуя себя вдвойне неловко от собственного обнаженного и мокрого вида, шагнула к нему и взяла сверток. Развернув, поняла, что это одна из его рубашек, похожая на ту, что он вчера снял перед сном. Утепленная, толстая и очень длинная. Но главное — чистая! С учетом того, что у меня не было вообще никакой смены, раздумывать было не о чем. Обсохну — и тогда будет не так неприятно натягивать грязную одежду.

Быстро скользнув руками в рукава, застегнула на груди длинный ряд пуговиц. Тоже странность! Сейчас везде маг-

нитные крепежи. Рубашка оказалась сильно велика, спускаясь ниже колен — без штанов можно вполне обойтись. Рукава я закатала, ботинки надела. Пока собиралась, обнаружила, что всю мою и свою грязную одежду он уже убрал в свой мешок.

— Все? — Старх вопросительно кивнул в сторону выхода.

Быстро развернувшись в нужном направлении, я зашагала вперед, стараясь своей медлительностью не вызвать его недовольства. Состояние заметно улучшилось — я была живой, чистой, выспавшейся и не страдала от голода. Меня не избили, не изнасиловали и не замучили! И даже непривычное ощущение отсутствия белья и неплотно прилегающей одежды не смущало.

Доведя меня до нашей кабинки, невероятный старх закинул в изножье мешок и сказал, склонившись ближе:

— Сиди тихо, я скоро приду. — При этом последовал красноречивый кивок на кабинку.

Тут же забравшись внутрь, я села, поджав ноги и расслабленно облокотившись на валик матраса. А он задвинул за мной крышку и ушел.

Снова клонило в сон, пока раздумывала над тем, что мне, кажется, повезло. Вопреки мрачным прогнозам туевейки меня выбрал не самый плохой мужчина.

Я вздрогнула, услышав резкий шум совсем рядом с нашей кабинкой. Стало любопытно посмотреть, что происходит снаружи, тем более от меня не укрылось, что, когда мы возвращались из душа, никто на нас внимания уже не обращал. Осторожно потянувшись к крышке кабинки, сдвинула ее в сторону и выглянула наружу. Почти тут же напротив меня присел здоровенный волосатый детина. Здоровенный — для жителя Земли.

— А меня не погреешь? — усмехнулся он и, неожиданно схватив меня за руку, дернул к себе, кивнув головой в сторону. — Вон моя кабинка, и со мной будет приятнее, чем с этим стархом.

Он мерзко захохотал, а я в ужасе закричала, пытаюсь упираться. Но моих сил тут явно было недостаточно. Подтащив меня за руку, второй рукой перехватил за бедро под задравшейся рубахой и выдернул наружу.

— Помогите! — крикнула я, стараясь вырваться.

Никто даже не обернулся, хотя мы были в проходе далеко не одни.

— Пасть закрой, а то докричишься, — зло прошипел детина, наотмашь ударив меня по лицу.

Не успела я очухаться от боли, как меня рывком, приложив плечом об угол, затолкали в соседнюю кабинку. Обезумев от ужаса, заорала во всю силу легких, пытаюсь оттолкнуть залезавшего следом мужика. В отчаянии бросилась вперед, стремясь впиться в его лицо зубами, но ухватила пустоту...

Неведомая сила выдернула детину наружу, после чего огромная, с заострившимися когтями лапа схватила его за горло и, впившись когтями в плоть, рванула на себя. Раздался страшный предсмертный, резко оборвавшийся вой, и жутким всплеском, разлетевшись полукругом вслед за движением лапы, выстрелила кровь. Мужик упал, заставив меня застыть в панике от вида развороченного окровавленного горла, торчащего куска оборванной трахеи и острого края переломленного позвоночника.

В пассажирском отсеке ненадолго наступила абсолютная тишина, а потом разнеслись крики паники, призывы к мщению и злые проклятия...

В ужасе, не контролируя себя, я забилась в угол, зажав рот рукой. Кусая собственную ладонь, в отчаянной попытке стремилась сдержать рвущиеся наружу истеричные рыдания. Било крупной дрожью и сдержаться не удавалось — даже сквозь прижатую к губам ладонь доносился мой панический скулеж. Нет, я видела раньше трупы, я видела, как убивают, как убивают жестоко... Меня трясло не поэтому... Этому подонку я бы не пожелала другой участи. Но убивала, просто замораживала паникой мысль о том, что я сама виновата в случившемся... Что все произошло из-за моего глупого любопытства... Что я нарушила его приказ... Что сейчас будут последствия...

В том, кто убил напавшего на меня, не сомневалась ни минуты. И когда, не обращая внимания на окровавленное тело рядом, старх присел на корточки и пронзил меня бешеным ледяным взглядом желтых глаз, я сразу поняла — вот она, развязка. Меня, парализованную этим взглядом, за-

трясло так, что казалось — весь корабль шатает в такт со мной...

— Пропустите, — раздался властный окрик неподалеку, и возле выпрямившегося старха появились мужчины, которых я видела только до пояса. Вооруженные. Охрана звездолета и... капитан, судя по форме.

Снова повисла звенящая тишина, разбавляемая только моим стучащим сердцем и животным нервным поскуливанием. Неожиданно тот, что был в форме капитана, тоже присел и, заглянув в кабинку, встретился со мной взглядом. Я вздрогнула: капитан тоже оказался стархом. Темная кожа, желтые глаза, мохнатые уши и плоский нос... странно подрагивающий сейчас. Он несколько мгновений спокойно и изучающе на меня смотрел, прежде чем выпрямиться, предварительно захлопнув крышку кабинки и погрузив меня в темноту.

— Уберите тут. — Теперь я знала, кому принадлежал командный тон.

— А что со... стархом? — раздался чей-то злой вопрос. — Он напарника нашего порвал.

— Сам виноват. Полез не к той бабе. Свое защищать имел право, — холодно прозвучало в ответ.

И — все: раздались уверенные, постепенно отдаляющиеся шаги. Потом совсем рядом что-то зашуршало, зазакрипело. Спустя минут двадцать, судя по звукам, жизнь вернулась в прежнее русло, снова наполнившись обыденной суетой и приглушенными разговорами.

Все это время я, напряженно вслушиваясь, просидела не шевелясь. Для меня ситуация еще не достигла логического завершения...

Крышка отодвинулась, явив мне собственного владельца. Старх, скользнув взглядом по моим сразу задрожавшим губам, спокойно сказал:

— Вылезай.

С трудом, еле двигая онемевшими конечностями, выбралась наружу, страшась взглядов окружающих. Но рядом не было никого вообще. Даже крышки ближайших кабинок задвинуты. И тела тоже не было... И крови... Вообще, появилось ощущение, что весь этот кошмар мне привиделся.

Поскольку я застыла, щурясь и озираясь вокруг, старх

подтолкнул меня слегка в плечо в направлении нашей кабинки. Опомнившись, тут же залезла туда, отметив разобранный матрас, подушку и одеяло.

— Раздевайся, — все так же бросил в своей манере — обстоятельно и без суеты.

Я, сглотнув, принялась трясущимися руками расстегивать пуговицы рубахи. Вот сейчас и случится давно и с ужасом ожидаемое. Кричать не буду. И так окружающих зрелищем порадовала.

Раздевшись, не глядя на мужчину, отложила рубашку в сторону и замерла, ожидая его дальнейших действий. Старх, протиснувшись головой и плечами внутрь кабинки, резко перевернул меня на живот. Лицом уткнувшись в подушку, я в последний миг, перед тем как попу опалило адской болью удара, поняла, чего ожидать. Но к тому, что будет такой сильный шлепок, не приготовилась. Слезы из глаз прыснули непроизвольно, и я, судорожно передернувшись, снова плюхнулась на подушку.

Крышка кабинки задвинулась, оставив меня в ореоле тусклого света в одиночестве. И на сей раз я четко расслышала, что ее закрыли на замочек. Некоторое время пролежала, продолжая плакать. Было больно: то место, что пониже спины, горело огнем, однозначно давая понять, что ближайшие часа три, а то и все пять лучше провести на животе. Но я была так рада наказанию, что плакала и от радости тоже. Оттого что все обошлось этим, оттого что действительно зашлужила, оттого что все закончилось...

ГЛАВА 3

Пока плакала, незаметно уснула. Встрепенулась от како-го-то стороннего шума и проснулась. По ощущениям, проспала недолго — час или чуть больше. Первым делом осторожно коснулась ладонью пострадавшей части тела. Боль все еще ощущалась, хотя жгло уже не так сильно. Вот же силицы у старха, при желании зашибет мгновенно.

Вспомнилось вырванное горло, рождая абсолютное понимание того, что купивший меня мужчина — существо

очень опасное. А значит, придется быть очень осторожной, чтобы не разозлить его. Как говорила та рябая, надо к нему приспособиться. Раз уж так получилось, другого выхода нет.

Неожиданно уловила запах еды, повернулась и обнаружила у самого края матраса, со стороны входной крышки, небольшую округлую дощечку, на которой, укрытое сверху тряпицей, нашлось мясо, два очищенных земляных плода и ломоть хлеба. Тут же притулилась и вчерашняя фляжка. Невообразимо! Совершенно неожиданная в данных обстоятельствах забота.

Осторожно повернувшись на бок, укрылась повыше одеялом и подвинула еду ближе. Ела с наслаждением, смакуя каждый кусочек и радуясь самой возможности поесть вот так в одиночестве и спокойно. На пиратском звездолете далеко не всегда было хорошо с продовольствием, а есть мясо и вовсе приходилось нечасто — на мою долю его обычно не хватало. Тут же — настоящий пир. И все благодаря старху! Пока он действительно заботился обо мне как о члене семьи. Хотя как мне об этом судить? Мама умерла, когда я была подростком, а отец пекся постольку-поскольку. Защищал от своих, временами едой делился — и на том спасибо!

Сейчас же дала себе слово: сделаю все, что в моих силах, чтобы стать полезной старху. О том, каково быть женой, я не знала, но решила, что постараюсь научиться. Сегодня он меня спас во второй раз! И я теперь должна ему не только подчиняться — жизнью обязана.

Осторожно, чтобы не насорить на матрас, доела все до крошки, вытерла руки и напилась. Деревяшку и фляжку отодвинула в изголовье мужчины, потом с максимальной осторожностью перевернулась на спину и укрылась одеялом полностью. Без старха рядом и без одежды было прохладно. Так, вслушиваясь в окружающий шум, ловя какие-то обрывки фраз, совершенно расслабилась. Возникло ощущение спокойствия. Сейчас от меня мало что зависело в сотворении собственного будущего, но вот в данный конкретный момент было тепло, сытно и безопасно. Постепенно, убаюканная монотонностью происходящего вокруг, погрузилась в состояние легкой дремоты. При этом лежала рас-

слабленно, но старалась не шевелиться, чтобы не беспокоить пострадавшую часть тела.

Скрип ключа в замочке уловила сразу, поэтому успела глубоко вдохнуть и морально настроиться на встречу со стархом. Он, отодвинув крышку кабинки, совершенно поразил меня тем, что держал в руках. Это была влажная одежда! Моя!!! С самым невозмутимым видом выдернув из кармана в изголовье вторую подушку, отбросил ее пока мне в ноги и принялся в несколько слоев развешивать на края кармана влажную одежду: мое белье, штаны, куртку и даже носки! С такой теплой «обогревательной системой», как он, за ночь все наверняка высохнет, да и вообще, не мне быть в претензии, даже если внутри будет немножко влажно. В принципе не представляла себе, что мужчина может быть способен на подобный поступок. Когда он убил того землянина, я испугалась, сейчас же была потрясена до глубины души.

Не обращая внимания на произведенное на меня впечатление, старх, методично все развесив, переложил в свой мешок в изножье кабинки отставленные мною фляжку и дощечку и флегматично уточнил у меня:

— В туалет пойдешь?

Я кивнула в ответ едва ли не на автопилоте. Он тут же отодвинулся и выпрямился в проходе рядом с кабинкой, ожидая меня. Быстро нашарив рукой отложенную рубашку, натянула ее и спешно застегнула пуговицы. Вылезала осторожно, стараясь по возможности меньше тревожить болезненный участок тела. Обувшись, последовала за молча тронувшимся по проходу стархом.

Когда вернулись, я снова забралась внутрь к стенке кабинки. Думая о том, к чему мне стоит готовиться, наблюдала за тем, как мой владелец раздевается, готовясь ко сну. Вчерашнее последовательное раздевание повторилось до жеста, после чего он влез внутрь кабинки и забрался ко мне под одеяло.

— Хочешь здар? — раздался тихий шепот мужчины рядом.

Я растерялась. Здары — вкусные округлой формы фрукты, пользующиеся популярностью не в одной звездной системе. Тем не менее я их ела пару раз в жизни, поэтому осто-

рожно кивнула. Старх протянул мне фрукт, который укрывал в своей огромной ладони.

— Чистый, — спокойно проинформировал он.

Стараясь не набрасываться слишком жадно, принялась есть. Фрукт был очень вкусным — сочным, сладким и большим! Пока я им хрустела, старх, перегнувшись, что-то искал в своем мешке у меня в ногах. И стоило мне проглотить последний кусочек, скомандовал:

— На живот ложись.

Я настороженно повиновалась.

— Немного пожжет сначала, — спокойно известил он и чем-то прохладным, едва касаясь, смазал мне участки кожи, где ощущалась боль.

Жечь начало сразу. Я даже не удержалась и зашипела сквозь зубы. Тут же на лопатки опустилась широкая и тяжелая ладонь, удерживая меня на случай, если решу дернуться.

— Терпи, — веско прозвучало рядом.

Но терпеть пришлось недолго, почти сразу зуд унялся, сменившись приятной прохладой.

— Через полчаса все пройдет, — порадовал старх ближайшей перспективой и тут же добавил: — Запомни, если я сказал — ты должна сделать. Иволон такого легкомыслия не простит. Еще раз поступишь вопреки моим словам — накажу по-настоящему.

Последним заявлением я очень впечатлилась.

— Поняла? — все так же тихо и сдержанно уточнил он.

— Да, — пообещала я, намереваясь приложить все усилия, чтобы обещание не нарушить.

Старх замолчал, откинувшись на спину и глядя в потолок кабинки. А я лежала на животе, повернув голову лицом к нему, рассматривала его профиль, а еще вдыхала почему-то очень ощущаемый сейчас его собственный запах. И дело не в том, что он был неприятен, просто я впервые поймала себя на мысли, что вот так отчетливо идентифицирую чей-то конкретный аромат. Вид его лица сбоку неожиданно удивил. В скудном свете внутреннего освещения кабинки, когда большую часть лица, особенно выступающий квадратный подбородок и широкие скулы, немного сглаживали полутени, он казался менее отталкивающим. А выглядыва-

ющее сейчас из-под волос вытянутое ухо, покрытое шерстинками, и вовсе смотрелось как-то мило и забавно.

Да мне и не важно все это по большому счету. Парень из нашей команды, что забрал меня к себе после смерти отца, был симпатичным, но большего морального урода я не знала. Время, проведенное с ним, научило меня отличать важное от надуманного. Поэтому постиранное белье и здар значат для меня гораздо больше, чем симпатичная физиономия. А тем более там, куда мы направлялись. На Иволоне внешняя привлекательность точно последняя в списке необходимых мужских качеств. Это даже я понимаю, как и то, что он не будет только давать что-то, не получая ничего взамен. За эту заботу и защиту заплатить придется минимум своим телом. И я готова сделать это, признавая сделку честной.

Резко повернувшись ко мне лицом, перехватив мой изучающий взгляд, старх прищурил поблескивавшие желтым глаза и, словно прочтя мои мысли, спокойно спросил:

— Ты беременела раньше?

— Нет. — Я все же нервно сглотнула. — Мама научила меня, как не допустить этого.

— Мне нужны будут дети, — со значением шепотом и неторопливо сказал он. — Хотя бы двое.

Я прикрыла глаза, опустив ресницы и давая понять, что приняла его заявление к сведению.

Старх осторожно коснулся моей спины и уже с небольшим усилием провел ладонью ниже.

— Больно?

На мгновение малодушно захотелось сказать «да!», но я понимала, что не имею на это права, поэтому честно прошептала в ответ:

— Нет.

— Переворачивайся.

Я подчинилась.

Когда улеглась на спину, он стянул с нас одеяло и отбросил его в ноги. Я отчетливо увидела, что он уже более чем готов сделать меня беременной прямо сейчас. Но тут же сообщила, что сейчас вряд ли что-то получится, — не тот период.

Немного развернувшись, он положил поверх моей ноги свою, притиснув так, что дергаться или сопротивляться

было бы бессмысленно. А потом без суеты, неторопливо положил руку мне на грудь. Ладонь оказалась неожиданно мозолистой и шершавой на ощупь. Я непроизвольно задержала дыхание, с внутренним страхом ожидая дальнейшего развития событий. Второй рукой старх подпирал голову, спокойно вглядываясь в мое лицо. Полностью обхватив одну мою грудь ладонью и, немного приподняв, сжал ее. Я настроилась на привычное ощущение боли и вытянула руки вдоль тела, приготовившись впиваться ими в матрас, сдерживая неминуемые крики. Крики боли. Терпеть мне было не привыкать.

Но старх сжал мою грудь совсем не сильно — боли не чувствовалось. Осторожно поперекатывал ее в ладони и погладил сосок большим пальцем. Это шершавое прикосновение неожиданно отозвалось в моем теле приятной волной тепла, заставив замереть от удивления. Старх руку от груди сразу отнял и, глядя мне прямо в глаза, неторопливо сообщил:

— В этом у меня опыт небольшой, так что если будет больно — скажи.

Я потрясенно обмякла. А он с выражением затаенного интереса в глазах провел ладонью по моей груди, потом — по животу, опустился ниже. И это все спокойно, со скрупулезным вниманием и без суеты. Ненадолго накрыв меня там ладонью, раздвинул пальцами и скользнул внутрь. Сразу решительно и глубоко и сразу тремя пальцами, заставив зашипеть от... совершенно неожиданного приятного ощущения. Старх замер и вопросительно на меня взглянул.

— Все нормально, — через силу выдавила я, чувствуя, как почему-то ослабели и начали подрагивать ноги.

Задумчиво помедлив, отчего я непроизвольно качнулась сама, инстинктивно стремясь ощутить внутри себя движение, он убрал руку.

— Смажу тебя, — сказал мне негромко, — на случай, если пораню: быстрее заживет и легче тебе завтра будет.

В необходимости последнего я была уже не уверена, поскольку почувствовала, что и так начала влажнеть, пока глубоко внутри, но... раньше со мной и этого не случалось. Старх, быстро обмакнув пальцы в свою универсальную мазь, вновь скользнул ими в меня и снова сделал это реши-

тельно и быстро. Я опять непроизвольно дернулась, ощутив сразу возникшую от его движения ноющую тяжесть внизу живота. И тут же подалась бедрами вверх и потерлась собой о его запястье, чем только усилила требовательный зуд внутри.

А мужчина, тщательно и методично обрабатывая все мои внутренние складочки, смазывал меня своей мазью. Пальцами в матрас в процессе этого я все же впилась, пытаюсь сдерживать крик. Только не боли. Вернее, боль ощущалась... Но другая — жаждающая, нетерпеливая, требовательная. Она нарастала, вынуждая меня хотеть его глубже и теснее.

— Готова? — Старх уже поставил одно колено между моих раздвинутых ног, нависая сверху.

— Д-да, — с трудом сдерживая себя, прошептала в ответ я и, подняв руки, обхватила его широченные плечи.

— Постараюсь немного, — тоже уже натужно прошипел старх, наконец-то окончательно сближаясь со мной.

Он крупный очень, конечно. Но я, сосредоточившись на себе только там, в месте нашего соединения, ощущая небывалый прилив крови и обострившуюся чувствительность, плавно раскрылась под его напором до максимума, обхватывая его ногами. И все! Как только он оказался во мне полностью, от первого же небольшого движения меня накрыло множеством непривычных ощущений, совершенно отключив от реальности.

Ладонь старха резко взметнулась, закрывая мне рот, не позволяя закричать в голос. И я с благодарностью впилась в нее зубами, гася таким образом свой порыв. Пока меня сотрясало волнами натуральной дрожи, которая зарождалась где-то в животе и прокатывалась по телу до самых кончиков пальцев, ослабляя совершенно, он не шевелился, наблюдая за моим лицом.

Когда меня все же отпустило, позволив телу безвольно и обессиленно обмякнуть под ним, старх, убедившись, что трясет меня не из-за паники, начал двигаться сам. Размерно, убыстряясь с каждым движением, под конец уже не думая обо мне, с силой обнимая и просто мощно вжимаясь в мое тело!

Но и я с дикой потребностью в этом напоре отвечала на его толчки, вскидываясь навстречу. И вновь задрожала, и

снова он зажал мне рот ладонью, удерживая крик, который перебудил бы всех вокруг...

Ощущение слабости было невероятным. Я просто лежала, прикрыв глаза и тяжело дыша, пыталась унять все еще подрагивающие ноги. Так томительно хорошо и приятно мне не было никогда. Накатила волна сонной лени и удовлетворенной расслабленности, заставившая просто прикрыть глаза и погрузиться в сон. Но, даже засыпая, я особенно остро ощущала рядом разгоряченное мужское тело, его невыразимо родной аромат.

ГЛАВА 4

Сценарий вчерашнего утра повторился. Старх разбудил меня осторожным потряхиванием за плечо с целью выяснить, не желаю ли я составить ему компанию в естественном утреннем походе. Сразу решив, что лучше куда-либо ходить под его охраной, сонно кивнула. Пока еще пару минут полежала, окончательно пробуждаясь и потягиваясь, осознала, как я спала... На его плече! Вплотную прижавшись к мужской груди и обнимая его за талию! А еще... моя нога была удобно закинута на его ногу!

Поперхнувшись от ужаса, перестала дышать и медленно-медленно постаралась отодвинуться. Почему-то хотелось сделать это незаметно, но... как это осуществить? Поэтому, поймав на себе взгляд сразу отреагировавшего на мои настороженные потуги старха, смутилась и суетливо начала собираться.

Если вдуматься, выходит, что я подсознательно ему доверять начала? Или бояться перестала? Но сразу честно себе призналась, что это только во сне и, возможно, от усталости. Хотя после этой ночи появилась надежда, что теперь таковые для меня перестанут быть жутким испытанием. На данный момент получалось: что бы ни ждало в будущем — оно будет лучше прошлого.

Как я и предполагала, развешанная вчера влажная одежда за ночь высохла совершенно. Мало того, старх ее еще и починить успел! Так что одевалась с удовольствием, снова

испытывая огромную благодарность к этому пугающему меня мужчине. Пока натягивала на себя одежду, старх, полностью одетый, выбрался из кабинки и ждал меня в проходе рядом. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, дернулся и полез в карман своей куртки.

— Витара, — негромко, но четко произнес он, не привлекая внимания других проснувшихся пассажиров, — вот, забыл, это было в кармане твоих штанов.

И протянул мне что-то крошечное, завязанное в кусочек ткани. Недоумевая относительно того, что там могло быть (ведь при задержании абсолютно все изъяли!), осторожно взяла и развернула узелок. Поразительно, но его находкой оказались пять семечек твьи. Наверное, когда-то ела ее и засунула огрызок в карман. Потом огрызок выбросила, а семечки забились в шов... Но как можно было их обнаружить — я сама сколько раз одежду стирала и не подозревала об их существовании! Да и зачем они? Но в данных обстоятельствах выкинуть семечки было как-то некрасиво, поэтому узелок с ними снова запихнула в карман. При этом, не удержавшись, бросила на старха вопросительный взгляд.

— У них запах очень необычный, незнакомый, — пояснил он, верно истолковав выражение моих глаз.

И точно, про обоняние стархов я что-то слышала. Отец как-то упоминал при мне... Вот только что, точно не помню. И вообще... Внезапно подумала, что я не только о стархах мало чего знаю, я элементарного не представляю — имени мужчины, с которым делю постель!

Когда уже шли в сторону санитарной зоны, пользуясь моментом, пока он внимательно следил по сторонам и не смотрел на меня, уточнила:

— А к-как тебя зовут? — И только сказав, сообразила, что прошептала вопрос почти беззвучно, а вокруг стоял шум проснувшегося звездолета.

— Гайвридаил, — четко прозвучало в ответ.

Первым делом удивилась — услышал! А потом... Как?! Да как это имя хотя бы выговорить, не то что запомнить! О фамилии решила не спрашивать: с утра столько потрясенный не осилить.

С туалетом управились быстро, старх проводил меня обратно и наказал ждать внутри кабинки, пока он завтрак при-

несет. Причем опять еще и закрыл меня. Сидя в кабинке, вновь скатала матрас и убрала подушки. А потом решила попытаться хотя бы руками волосы разобрать. Что там творилось! Вчерашние колтуны стали чистыми, но за ночь несколько не распались. Пришлось едва ли не раздирать их руками, пытаясь хоть как-то привести себя в порядок. Под это занятие и думалось неплохо.

В первую очередь озадачилась вопросом: куда он исчезает днем? Я тут отсыпаюсь, а вот чем занят старх — не знаю. Опять же надо узнать, кто он: чем занимается, что ждет нас на Иволоне?

Заскрипел ключ, и, отодвинув крышку кабинки, появился присевший на корточки Гайвр... в общем, старх! Пристроив с краю на днище кабинки вчерашнюю дощечку, снял прикрывавшую сверху тряпицу. На завтрак обнаружился хлеб и четыре крупных яйца.

— Ешь, — кивнул он мне, и я сразу поспешила подчиниться.

— А еду тут раздают специально? — Раньше я на пассажирских кораблях не летала, поэтому таких подробностей не знала.

— Если кто желает, можно ее купить, да. Тут есть раздаточный пункт, там готовят. Но большинство предпочитает свои взятые в дорогу запасы, — пережевывая, пояснил мужчина. — У меня они тоже есть, но тебе вряд ли подойдут.

Я подавилась. Решила стать ему полезной, по возможности не быть обузой, а тут сплошные траты: душ, теперь еще и еда, как выяснилось. И как я сразу не поняла?! Откуда бы еще вареное мясо взялось — ведь не солонина и не сушеное! Быстро положив обратно второе яйцо и недоеденный ломоть, прошептала, уткнувшись взглядом в коленки:

— Я наелась, а это пусть на обед останется... И я... не думайте, мне привычно есть и вяленое, и сухари, и синтетическое... — Да, в моей жизни были периоды, когда месяцами приходилось на одних синтезаторах перебиваться (правда, живот тогда от этих таблеток болел адски...).

— Ешь! — И таким тоном сказал, сопроводив таким яростным взглядом желтых глаз, что я в ужасе стремительно ухватилась за недоеденный кусок и вгрызлась в него зубами.

И все — никаких тебе пояснений или комментариев. Старх продолжил невозмутимо жевать с таким видом, словно минуту назад не выглядел жутко злым и опасным, готовым едва не убить!

— Ты себя как чувствуешь? — услышала я пусть и тихий, но совершенно неожиданный вопрос, поэтому отважилась на непонимающий ответный взгляд.

— Не больно нигде? — немного неуверенно пояснил свой предыдущий вопрос старх.

И тут до меня дошло, о чем он беспокоится.

— Нет, нет! — Для убедительности я еще и головой завертела.

— Ты, пока летим, спи больше, отдыхай. На Иволоне так не получится, — спустя паузу добавил мужчина, купивший меня.

Я решила воспользоваться моментом и, не поднимая глаз, пробормотала:

— А вы? Чем вы заняты днем? Может быть, я смогу помочь? Спать круглые сутки невозможно.

Старх как-то недоуменно качнулся на носках согнутых в коленях ног и предложил:

— Если хочешь, пошли со мной — сама посмотришь.

Конечно, я согласно кивнула — очень интересно узнать о его времяпрепровождении! Пока мы доедали завтрак и допивали воду из фляжки, заметила, что вокруг как-то нехарактерно пусто: мимо никто не проходил, а пассажиры соседних кабинок отошли подальше. Видимо, вчерашний инцидент впечатлил не только меня — нас определенно сторонились. Вернее, сторонились старха. Но он, казалось, не обращал ни на кого внимания вообще, находясь в таком характерном для него, по моим наблюдениям, состоянии безмятежного спокойствия. Неожиданно заметила, что он, немного склонив голову к плечу, рассматривает меня. Сразу вспомнила про волосы и представила, как смотрюсь со стороны. Покраснев, я пролепетала:

— Расчески нет.

— Хочешь мою? — спокойно предложил старх.

Я благодарно кивнула:

— Спасибо! И за одежду тоже! И за... остальное. — Я все

же отважилась выразить то, что переполняло душу, и робко добавила: — Вы... очень хороший.

Он никак не отреагировал, и я, набравшись храбрости, все же взглянула на его лицо: выглядел он очень удивленным.

Расческу я получила тут же. Старх нырнул в свой необъятный мешок и, покопавшись внутри, протянул мне столь вожделенный предмет. Расческа была под стать владельцу: деревянная, потертая жизнью и с редкими крупными зубцами — основательная, одним словом. Но главное — была! С благодарным взглядом приняв столь необходимую вещь, быстро сунула ее в карман. Задерживать сейчас его не хотела, но, как только появится возможность, приведу волосы в приличный вид.

Заперев нашу кабинку, старх двинулся к выходу из пассажирского отсека, увлекая меня за собой. Ощущать свою ладошку в его сильной грубой руке было необъяснимо странно. Так меня никто не водил, и пусть подобная манера передвижения объяснялась тем, что маршрут мне неизвестен, но ощущения заботы и какого-то единства не умаляла. Меня вообще мало кто касался просто так, ради помощи.

Шли мы довольно долго, преодолев не один пролет, прежде чем я поняла, что мы оказались в грузовой части корабля. И совсем уж не ожидала увидеть здесь капитана. Вчерашний спаситель появился неожиданно для меня, вынырнув из бокового перехода. Но, кажется, испуганно вздрогнула при его появлении только я — оба мужчины отреагировали на встречу сдержанно и спокойно.

Но когда капитан, бросив на меня быстрый взгляд, приветствовал: «Доброго дня, теса Тшехар», — и вовсе изумилась. Неужели это и есть фамилия моего спутника с непроизносимым именем? И тогда... получается, насильственный брак считается действительным? Иначе с чего бы капитану так меня называть? Но с вопросами и своими выводами решила не лезть, понимая, что сейчас не до этого. Капитан присоединился к нам, шагая рядом.

— Рид, ты обдумал? — Это капитан что-то выяснял у моего... мужа.

Ого! К огромному облегчению, поняла, что имя поддается уменьшительной трансформации.

— Да. Не в этом году, точно. Пока сложно будет выжить такому большому количеству, — без суеты и торопливости ответил мой старх.

— Но в следующем примешь? — настаивал капитан.

— Если переживем зиму и справимся, да! — В ответе прозвучало уверенное обещание.

Это, видимо, удовлетворило капитана, поскольку, почему-то только мне кивнув на прощанье, он отстал и развернулся назад. А мы со стархом подошли к дверям стандартного грузового ангара. Мой спутник ввел код, активирующий отпирание двери.

— Тут мой груз, — лаконично пояснил он, — который требует ухода.

Я сразу же расслышала странные звуки внутри. Но сначала, когда вошла в ангар, поразила его наполненностью. Практически все пространство немаленького склада от пола до потолка было заставлено коробками, тюками и контейнерами любого размера. Столько всего разом я не видела даже в лучшие времена пиратского корабля, на котором выросла, когда запасы делали на полгода. Транспортировка такого огромного количества груза космолетом, да еще на большое расстояние... Да, понятно, почему у него осталось только на спальную каabinку. А теперь еще и меня приходится кормить...

И снова эти звуки. Обернувшись в сторону источника шума, производимого явно живыми существами, обнаружила в уголке... трех риданских оленей!!! Я была наслышана о них, так как их рога считаются огромной ценностью на просторах межгалактического содружества и возможность заполучить их — большая удача. Но вживую видела впервые. Эти животные обитали на Ридане — планете в соседней звездной системе, причем обитают в повсеместно распространенных там подземных пещерах. Но зачем везти их на Иволон?! О том, как они вообще тут появились, я даже не думала. На Ридане тепло даже под землей. А на Иволоне... И корм?! Чем кормить животных, даже если удастся их довести?.. Впрочем, мой личный опыт общения со зверьем исчерпывался виденной когда-то ручной птицей...

Озадаченно осмотрев оленей, я повернулась в сторону старха. Он деловито вынимал из ближайшего контейнера

странные плоские лепешки разной величины. Нагрузив их целую охапку, подхватил ее и понес к загончику. Олени, нервно косясь и фыркая в моем направлении, при приближении старха с тяжелой ношей начали беспокойно переминаясь на месте.

Тот, подойдя вплотную, свалил принесенные лепешки рядом с животными и распределил их равномерным рядком.

— Сядь на ящик. — Не оборачиваясь, махнул он мне рукой.

Вопросов в голове крутилось столько, что ноги не выдерживали этого груза. Устроившись на ящике, вытатила раческу, решив между делом и себе полезное сделать.

— Зачем вам олени? — уточнила первым делом я.

— Везу на Иволон, — успокаивающе поглаживая животных, неизменно спокойно пояснил очевидное старх.

— А дальше? — Я затаила дыхание.

— Есть планы на их счет. Что выйдет — посмотрим, — подойдя ко мне, ответил мужчина.

— А пола они какого? — Меня снедало любопытство.

— Две самочки и самец.

Присмотревшись, я поняла, что самец — тот, мощный, с грозными рогами. Продолжая раздирать колтуны на голове и пользуясь возможностью хоть немного прояснить будущее, уточнила:

— Так на планете же очень холодно, да? Как там теплолюбивые олени выдержат? И еда для них? — Жестом указав на контейнеры, я добавила: — Ее завозить надо? На Иволоне же ничего не растет.

— Выдержим мы — выдержат и олени, — твердо заявил мой неожиданный муж и, вытатив из приоткрытого контейнера какие-то шкуры, стал что-то с ними делать. — Пока летим, чтобы не терять времени, взялся тебе теплую одежду сладить, — пояснил он в ответ на мой любопытный взгляд.

Меня снова накрыло непередаваемым чувством — какая забота!

— Там очень холодно? — тихо спросила я.

— На поверхности — холодно даже для меня, — невозмутимо прозвучало в ответ.

Нордический характер! Для меня тогда гарантированная смерть, если этой «тепловой системе» там холодно.

— Как тогда там жить? — Мой голос непроизвольно дрогнул.

— Поначалу сложно будет, какое-то время вообще придется проситься на постой к чужим, но надо будет перетерпеть немного: ты в голой пещере ночевать не сможешь. А потом и сами обустроимся.

— К чужим? — Сердце в тревоге сжалось.

— Ну, не совсем — они тоже стархи. Только не наши. — Гайвиридаил (вспомнила!) поморщился. — Но потерпим немножко. Мы постараемся как можно скорее все обустроить.

Я кивнула, мое мнение в любом случае роли не играло.

— Кто из твоих родителей стархом был? — неожиданно прозвучал его вопрос.

Я на некоторое время выпала из разговора, заглядевшись на неожиданно ловкие движения огромных ладоней, которые, уверенно протыкая шкуру, продергивали в образовавшееся отверстие крученный ремешок и, закрутив его в узелок, подрезали, соединяя в единое полотно куски меха. И все так споро и быстро.

— Отец.

— Из какого потока он был?

Недоуменно пожала плечами.

— Я не знаю, он ничего о себе не рассказывал никогда. Я и про то, что он старх, всего однажды от мамы слышала, — честно призналась я и, решив, что должна предупредить его, прошептала: — Во мне от старха ничего нет, я в маму пошла.

— Есть, не сомневайся, — уверенно возразил он. — Кровь себя еще покажет, когда время придет. И если вдруг спросят, знай, что теперь ты относишься к потоку левиоров.

— А что это означает? — Определенно никогда не слышала этого названия.

— Живущие будущим.

Яснее определенно не стало, но буду узнавать все постепенно.

— Тшехар — это фамилия? — Мысль тоже не давала покоя.

— И да, и нет. Но ты можешь носить ее с гордостью, — категорично заверил он меня.